
ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Яковлева Е.Л.

СОВРЕМЕННЫЕ МИФИЗАЦИИ ЛИЧНОГО КАК МЕРЦАЮЩЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ/ ПРОЯВЛЯЮЩЕЕСЯ МЕРЦАНИЕ Я

Аннотация. Цель: исследовать современный модус мифизирования, благодаря которому происходит самоутверждение Я в социальном, осуществляется коммуникация, но при этом стирается действительность и событийность в ней, заставляя характеризовать процесс как мерцающее проявление/проявляющееся мерцание индивидуального. Результаты: Миф оказывается комфортной пластичной формой способной вместить любые нарративы Я, в результате чего становится невозможным различие реального и вымышленного. Следование гламурным тенденциям приводят к бесконечной мифизации как симуляции личного бытия. В итоге складывается парадоксальная ситуация, в которой мифизирующая личность оказывается изобретенной посредством мифа. Обозначенная проблематика рассматривается в форме нарративного дескрипта с использованием диалектического и феноменологического методов, принципов сравнительного и интенционального анализа, помогающих раскрыть специфику мифизации Я в современном гламурном дискурсе. В статье впервые рассматривается проблема современного личного мифизирования, приобретающего тотальный размах. В контексте проблемы выделяется мерцающее проявление/проявляющееся мерцание Я, говорящие в пользу эфемерности и зыбкости вы(с)казываний, а также неустойчивости личного бытия. Выявлены приемы мифизирования Я: отклонение, рождающее чудесное, и бриколажная техника. Положения и выводы исследования можно использовать при дальнейшем исследовании личности и ее проявлений в гламурном социальном.

Ключевые слова: гламур, (пост)неоязычество, миф, мифизирование, Я, мерцающее проявление/проявляющееся мерцание, сакральное, профанное, бриколажная техника, гипертекст.

Abstract. The purpose of the present research is to study the contemporary mode of mythicization that enables fulfilment of Self in the social environment and communication, at the same time eliminating reality and events, thus making it the process of glimmering display/displayed glimmer of Self. The results of the research are the following: myths turn out to be a comfortable plastic form that may contain all kinds of Self narratives, as a result, it is often impossible to distinguish between the real and the imaginary. Following the glamour trends creates continuous mythicization as a simulation of individual existence. This leads to a paradoxical situation when a mythicizing personality turns out to be created by the myth. The aforesaid matter is described in the form of a narrative description using dialectical and phenomenological methods, and principles of the comparative and intentional analysis allowing to reveal special features of Self's mythicization in the modern glamour discourse. For the first time in the academic literature the author of the article examines the problem of today's individual mythicization which is becoming total. Within the framework of the research, the author also gives a definition of the glimmering display/displayed glimmer of Self proving the ephemerality of expressions as well as uncertainty of individual existence. The author also defines mythicization methods such as deviation which gives birth to the wonderful and bri-collage technique. Provisions and conclusions of the research can be used for further research of personality in the glamour social environment.

Key words: hypertext, secular, bri-collage technique, sacred, glimmering display/displayed glimmer, Self, mythicization, myth, (post)neo-paganism, glamour.

Современная экспансия гламура приводит к гламуризации всех областей культуры, в том числе, власти, идеологии, экономики, науки, медийной сферы и повседневности. Черты гламурности, олицетворяемые красотой, молодостью и богатством, искусственно, рационализировано и технологично создают имиджмейке-

ры, медийные люди, маркетологи, фотохудожники, диетологи, массажисты, пластические хирурги и пр. Результаты сотворенного пускаются в тираж в виде (прозрачно-вуалированной) рекламы (личности/товара/бренда), говоря в пользу режиссирования и театрализации гламурного. Как правило, поста-новочная гламурность, воспринимаемая в качестве

эталона проявлений/про-явлений в социальном, начинает (некритично) копироваться реципиентами в привлекательном для них ключе, связанном с эстетизацией собственного бытия. В его рамках обнаруживается перевес эстетического в ущерб интеллектуальному и этическому, вследствие чего личность, фокусируя внимание на красоте, молодости и богатстве, демонстрирует в своей жизни легкомысленность, праздность и вседозволенность. Постепенно подобный тип поведения, завораживая все большее количество реципиентов своей неотягощенностью (интеллектуальным/нравственным), приводит к особой форме жизни – гламурной, обладающей собственными ценностными критериями и специфическими чертами.

Гламурный стиль жизни провоцирует очередную волну интереса к мифотворчеству и всплеску личного мифизирования. Существует несколько причин, объясняющих данный интерес.

Во-первых, обращение к мифотворчеству, постоянно меняющему и модифицирующему свои формы, в эпоху after-postmodern'a обусловлено вечностью мифа как символической формы, позволяющей вместить в себя любые нарративы социокультурного ландшафта, расставив необходимые акценты в социальном. Как «единый голос многих» «миф сообщает нечто общее, *общее-бытие* открываемого или рассказываемого им» [1, с. 100]. Подобное позволяет утверждать: содержательные элементы мифологического выражают нечто всеобщее, даже – архетипическое, пронизанное собственной модальностью. Неслучайно утверждение «миф есть миф», являя иронию, связанную с вымышленным основанием, позиционирует феномен как ценность, имеющую онто-поэтико-логический статус.

Как мы считаем, именно миф о гламуре как разновидность современного мифа и личные мифизирования внутри него выступают цементирующим началом новой модификации (пост)неоязычества, фиксирующиеся в форме нарратива. Миф о гламуре оказывается перекрестком таких понятия как «миф», «гламур» и «личность», приглашая к исследованию в современном контексте.

Во-вторых, существует определенная связь мифа и гламура, олицетворяющего совершенный и роскошный стиль жизни, внешний блеск и шик, безупречность и гармонию его компонентов, что позволяет проводить параллель с миром божественным, в котором все идеально.

Р. Барт, затрагивая проблему гламура (но при этом не употребляя этого слова), рассуждает о нем как мифе об идеальном и притягательном. В качестве абсолюта и венца творения у философа выступает безупречное и гладкое тело, об-

разную магичность и мифологичность которого создает глянцевое покрытие. Сегодня апофеоз мифического тела, одновременно божественного и непроницаемо-отчужденного, можно обнаружить в медийном пространстве социального. Так, на страницах мужских и женских журналов/передач поверхность любого тела/предмета/еды создатели-мифотворцы стараются сделать зеркальной, совершенной, идеальной, без изъянов: при этом гладкость и зеркальность подобной «пелены»-оболочки оказывается главной характеристикой.

Еще одной точкой соприкосновения гламурного и мифического можно назвать чудо. Для мифологической модальности характерна *необычность*, являя собой закон проявления чуда/чудесного. Согласимся с А.Ф. Лосевым, утверждавшим, что в мифе всегда осуществляется вмешательство высших сил, которое есть чудо [2, с. 184].

Встает закономерный вопрос: что способствует проявлению чудесного?

При разворачивании сюжетной линии мифа встречаются, совпадая и/или сталкиваясь, два разных плана действительности: личность сама по себе как смысл всякого становления и ее история. Переплетаясь между собой, они создают диалектическое напряжение, настоятельно требующего чуда как разре(ж/ш)ения конфликтного и расслабления. Благодаря чуду, нарушающему последовательность происходящего, в мифическом повествовании происходит сдвиг, способствующий разрешению конфликтной ситуации/напряжения/дискомфорта. Чудесное как сдвиг влияет на реципиентов, интерпретирующих смысл фактов и событий через призму чудесного как естественного, которому *верящий верит* («видит и знает чудо») [2, с. 184].

Личность на протяжении жизни проявляет интенции к чудесному, выступающими, в том числе, в качестве компенсации нереализованного (архетипического). Тяга к чуду в бытии личности может быть реализована в ее истории, которая, в свою очередь, также может иметь два плана: реальный и вымышленный, существующие сами по себе или накладывающиеся друг на друга. Недостаток чудесного в реальности требует его присутствия в фантазийном, создавая предпосылки мифизирования чудесного.

Направленность на чудо объединяет все содержательные элементы мифического, придавая им характер таинственности и сакральности/священности. Подчеркнем, понятие «священности» динамично: любое профанное/обычное содержание бытия может приобрести его характер, высвечивая не объективное, а – субъективное, в котором есть место определенной идеальной соотношенности

с высшим и проявлению чудесности. В итоге священное/сакральное одновременно предстает как недоступное и близкое, чудесное и привычное, защищающее и раскрывающее. Данное обстоятельство, оказывая влияние на миф как символическую форму, приводит к дифференциации содержания, раслаивая его бытие на ценности сакральные и профанные, через призму которых возникает дискурс мифического. Все формы мифологического мировосприятия (бытие и его события, пространство и время, их атрибуты и феномены бытия, человек и его проявления) начинают рассматриваться через разделение на *сакральное-профанное*.

Как в древних, так и в современных мифах о гламурном, понимание сакрального и профанного связано с содержательным компонентом. Но в современности статус сакрального/возвышенного/божественного или профанного/низменного/повседневного оказывается довольно подвижным, постоянно изменяемым, что обусловлено не только модными тенденциями, но и личностью, позиционирующей мифическое. Подчеркнем, сегодня мифизированные нарративы позволяют дешифровать личность творца, представляющего фантазийное, его интеллектуальные, нравственные и эстетические потенции и интенции.

В-третьих, состояния гламурности, сочетающего в себе красоту, молодость и богатство, достигают немногие, заставляя искать психологическую компенсацию замены, в роли которой на авансцену выходят мифы и мифизирования.

В мифе/мифическом личность раскрывает, скрывая/скрывает, раскрывая, *себейность*, нащупывая ее пределы и возможности/воз-можности посредством несуществующего/желаемого, связанного с необычностью/чудесностью. Мифизация, реализующая определенный замысел/вымысел, нередко связанный с неосознаваемым/недостижимым/желаемым, звучит как живой *логос личности*, пытающейся передать свое сокровенное/потайное, тем самым сублимируя. В мифе как «фигуре имманентности» человек являет «для себя абсолютно отдельный, схваченный как начало и как достоверность» [1, с. 27], демонстрируя разнообразный опыт (интеллектуальный/нравственный/эстетический) личности, желающей не только вы(с)казать Я, но и обессмертить его, что оказывается созвучным гламурно-мифическому пространству.

Проблема мифизирования переплетается не только с проблемой самоутверждения, но и идентификации. Дело в том, что «самосознание становится самим собой, только если субъект признается как самость другой самостью» [1, с. 183], что

подводит нас к проблеме идентификации. Индивид в собственной мифизации осуществляет попытку, идентифицируя, признать/при-знать и обозначить себя одновременно в глазах окружающих и Я. Мифизация личного выдает желание понравиться, заставляя идеализировать/приукрашивать/преувеличивать. В собственной Другости человек жаждет признания, что помогает утвердиться Я в бытии, неважно в каком существовании – истинном или вымышленном. Человек «хочет сделать вид, показать себя не таким, какой он есть», «но рано или поздно истина предъявит иск» [3, с. 7], выдавая симуляцию индивидуального. В ней обнаруживается разрыв реального и вымышленного, являясь показателем болезненного состояния души.

Перечисленное позволяет утверждать, что современные мифизирования личного имеют неоднозначные последствия. С одной стороны, личность, мифизируя, позиционирует гламурность и утверждается в социальном; с другой стороны, анализ мифизации Я позволяет говорить о *мерцающем проявлении/проявляющемся мерцании* в пространстве социального.

Обратим внимание на данную нами характеристику гламурного мифизирования как мерцающего проявления/проявляющегося мерцания. Гламурный миф, демонстрируя переплетение действительного и фантазийного с преобладанием последнего, начинает претендовать на реальность, пытаясь ее заменить. Его основные доминанты – красота, молодость и богатство – оказываются абстрактно-подвижными. Гламурный нарратив представляет собой мозаичный набор (нередко не связанных между собой) эпизодов (фантазийно-реальных/реально-фантазийных), обновляющихся и изменяющихся как в калейдоскопе, но при этом быстро стирающихся из памяти. Подобное делает наблюдаемый, позиционируемый и тиражируемый феномен мерцающим из-за быстротечности тенденций и рассредоточенности гламурного, что влечет за собой его неосмысленность, рождая когнитивную расфокусировку и мозаичность мышления личности.

Подчеркнем, миф «*ничего не говорит* из того, что в итоге ему приписывают, выражая лишь самого себя, организуя и рассредоточивая мир человека и его речи» [1, с. 95]. Из приведенной цитаты, акцентируем внимание на следующих положениях, связанных с мифическим. Во-первых, в современности происходит распыление смысловой компоненты, что, в свою очередь, вуалирует само присутствие мифического, технологично вписывающегося в реальное. Но, как подчеркивает Ж.-Л. Нанси, «пустота смысла» «принадлежит самому мифу», выступая в качестве функции «мифическо-

го порядка» [1, с. 95]. Более того, в современности обнаруживается своеобразное *прерывание*: ««миф» отрезан от своего собственного смысла, в своем собственном смысле, своим собственным смыслом» [1, с. 102-103], что переводит его в состояние *мерцания*. Последнее связано с поиском Я, осуществляемом через *себейность* как *к-себе/в-себе/при-себе/с-собой/для-себя*.

Во-вторых, мифическое вытесняет реальное Вот-бытие личности, замещая его иллюзорным и вымышленным, претендующим на действительное. Современная мифизация являет собой «онтологию вымысла» и «реализованную форму онтологии субъективности в целом», вследствие чего миф «классифицирует индивидуальности в парадигму, расширяет и одновременно обедняет конкретные данные» [1, с. 106]. Благодаря мифу личность симульганно, позиционируя себя, стирает собственное Вот-бытие посредством само-воображения, бесконечно обновляя и продолжая свою мысль. Согласимся с Ж.-Л. Нанси, утверждавшим: «мифология заключается в мысли поэтико-вымышляющей онтологии, онтологии, представленной в образе онтогонии, где воплощается бытие, *воображая себя*, придавая себе подлинный образ своей собственной сущности и саморепрезентацию его присутствия и его дарованности» [1, с. 107]. Мифизирующая личность, увлекшись (фантазийной) эстетизацией бытия, стирает грань между действительным и вымышленным, перемещая модус своей жизни в нереальное – грезу. В итоге событийность/со-бытийность жизни личности (или ее отсутствие) оказывается замаскированной «мифическим порядком», рождая *событие-без-событийности/со-бытийности*. Но принадлежность миру гламура и уход в красивую иллюзию посредством мифизирования не дает человеку чувства удовлетворения жизнью, оставляя все проблемы открытыми/неразрешенными, что приводит к кризису личного. Подчеркнем, современный реципиент, (пассивно/отчужденно) принимая мифизированные тексты гламура, не рефлексирует над их содержанием, особенно интеллектуальным и нравственным аспектами, и не градирует его по принципу *действительное-вымышленное*.

Рассуждая далее о личном мифизировании в пространстве гламурного, обратим внимание на проблему техники его создания. Мифизация Я представляет собой определенное *отклонение от реального, рождающее чудесное*, но траекторию его движения невозможно предугадать, ввиду сложности полета фантазии и непредсказуемости современной личности, манипулируемой и поступающей нерационально/нелогично/абсурдно. Ми-

фический вымысел выступает в качестве операции зарождения *Нечто*, проявляя творческую функцию человека и его желание коммуницировать, самоутверждаясь и идентифицируясь, тем самым создавая предпосылки для распространения и обмена.

Современная личность *точно* актуализирует себя, пускаясь в тираж, чтобы убедиться в своем Я и себейности. При этом мифизация как фантазирование, подразумевая путь *к-себейности/в-себейности/при-себейности/для-себейности*, предполагает предельные *отклонения* от собственной субъективности/интимности/идентичности/индивидуальности, демонстрируя раздвоение/размножение и приводя человека к бытию вне сущности как *вне-себя*, свидетельствуя о патологии в виде шизофрении/мультифрении. Но в презентации Я посредством мифизации индивид становится видимым для самого себя, в том числе, посредством зеркального отражения в глазах Других: он обретает присутствие в становлении истории, связанной с чудесностью. Можно заключить: мифизация позволяет осуществиться *экстазу* как выходу из собственной субъективности в бытие объективного, оказывая положительный эффект на личность.

Другое дело, что нередко обретенный смысл бытия оказывается не соответствующим бытию с самим собой, являя своеобразную насмешку судьбы и вопрос: в том ли направлении осуществлялся поиск *к-себейности/в-себейности/при-себейности/для-себейности*? Дело в том, что современный тип бытия оказался Зазеркальным, повернувшись лицом к негативным аспектам жизни, где даже философия начинает отдавать предпочтения пустоте/наготы/аморальности с целью «задержаться на пределе», двигаясь «к неслышанной, невероятной внеположенности» [1, с. 158].

Еще одним методом современного личного мифизирования, оказывающегося созвучным гламурному, оказывается *бриколажная техника*, где господствует игровая активность как прием, позволяющий манипулировать в пределах тех средств и возможностей, которые определяются ситуацией, постоянно внося коррективы в текст, учитывая все неожиданные отклонения. При этом бриколер (заметим, им может быть непрофессионал/любитель/дилетант) самостоятельно создает мифическое из подручных средств, опираясь на универсальные конструкции, архетипические образы и клишированные тексты. Техника бриколажа представляет собой промежуточную форму активности между игрой и целенаправленной деятельностью, что позволяет характеризовать ее как полуигру и полудеятельность.

По убеждению К. Леви-Стросса, уже первобытное мышление представляло собой разновидность *интеллектуального бриколажа*: здесь миф рождался из того, что было под рукой и в зоне видимости. Мифологические сюжеты и тексты производились сами по себе, не подвергаясь обработке, а их образы не приспособлялись специально к каждому повествованию. При этом первобытное мышление оперировало чувственными образами, устанавливая между ними ассоциативные, эстетические или утилитарные связи, представляющие интерес по тем или иным причинам. В итоге мифологическое сознание комбинировало/рекомбинировало, калейдоскопически сочетая и перекраивая, исходные образы, формируя из них причудливые ансамбли. Таким образом происходило комплектование опыта конструктивной переработки чувственных данных восприятия, а интеллектуальный бриколаж умножал его, прибавляя к нему выработку способов сочетаемости образов между собой.

Можно утверждать, интеллектуальный бриколаж представлял собой преимущественно бессознательную процедуру, рождающую серию мифообразов. С их помощью первобытный человек заполнял, остро ощущаемый им, разрыв между Культурой и Природой, поддерживая тем самым относительное равновесие между ними. Человек в свое сознание включал систему образности, создающую иллюзию преодоления, переживаемого им чувства бессилия перед окружающим миром. Свои реальные отношения с бытием первобытный человек замещал идеальными мифологическими отношениями: они компенсировали ущербность его образа жизни, преодолевая хаотическую беспредельность бытия. При этом цели и средства здесь постоянно менялись местами: одни мифы разрушались, другие – создавались; означенное становится означаемым и наоборот.

Если обратиться к современному мифу о гламуре, то при его анализе обнаруживаются элементы бриколажной техники: гламурный миф представляет собой *гипертекст*, состоящий из огромного количества единиц/эпизодов, сюжеты которых рождаются из ничего и случайно скрепляются между собой. Благодаря этому мифизированный текст начинает бесконечно разветвляться, превращаясь в ризому. Каждое его ответвление рождается как Ответ внутреннего/личного на Вызов внешнего/социального, демонстрируя своеобразное действие по запросу и попытку вы(с)казаться Я.

Гламур как мифологический гипертекст включает в себя множество (бессодержательно-)содержательных элементов/эпизодов, повествующих не только о красоте, молодости и богатстве, под-

держивающих имидж личности, в том числе, как метросексуала или It girl, но и сопряженных с ними темах, внутри которых высвечивается чудесное как мерцающее проявления/проявляющееся мерцание: например, о Жертве и Палаче, трикстерах, преуспевающих в жизни, одиночках/суперменах, побеждающих врагов во имя Добра и Справедливости, Принце и Нищем, меняющимися своими ролями, Золушке, превращающейся в принцессу, Клеопатре как символе женственности, претендующей на реализацию в государственной деятельности/бизнесе и пр. Перечисленное, виртуозно вплетаясь в биографию гламурной персоны в виде «изобретения историй» (Ж.-Л. Нанси), перенасыщенными событиями без событийности/со-бытийности, рождает *неуловимо-текущую форму*, не позволяя погруженным в нее реципиентам, испытывающим нуминозные состояния, разграничивать реальное и фантазийное. Гламур мифизирует сознание реципиентов, управляя их потребностями, поступками и действиями. В повествованиях, используемых в качестве средств манипулирования, объект мифизирования – гламурная личность, наделяясь чудесностью, возвышается, становясь популярным и превращаясь в модный бренд. Даже допускающиеся ошибки/оплошности/неловкости/заблуждения в пространстве гламурного, получая флер мифического, превращаются в легенду, поддерживая статус личности.

Усиление в современности субъективно-индивидуального аспекта дает возможность каждому человеку создать собственный миф, тем самым, возведя себя в ранг Бога/Богини. В итоге в современности начинает превалировать принцип, согласно которому *«каждый человек – миф, а каждый миф – это человек»*. Бесконечное продуцирование мифов приводит к парадоксальной ситуации: *личность, сочиняя миф, оказывается изобретенной посредством мифа*. Бытийствующий в мифе страстно, практически – нуминозно, оживляет несуществующее, вовлекая его в орбиту своей реальности и истории жизни. В этой двойственности бытия обнаруживается прерывистость, обусловленная отрывочностью и наслоением мифизаций, где фантазийное, переплетаясь с реальным, пытается вытеснить и заменить действительность. В итоге в современности наблюдается «нигилистическая уничтожающая мифика»: «миф прерывается с каждым взаимодействием», а «бытие, воплощенное в мифе, взрывается в своем собственном вымысле» [1, с. 109, 124].

Несмотря на данное обстоятельство, современный человек в большей или меньшей степени мифологизирует окружающую реальность и Я, вы-

страивая мир, соответствующий идеальной/образцовой жизни и представлениям о ней. Мифическая вымышленность есть ни что иное как глянцева полировка бытия, помогающая осуществится «становлению-мира вымысла» (Ж.-Л. Нанси). В результате человек, творчески играя, конструирует «миф своей жизни», превращая себя и свое бытие в миф. Г.Д. Гачев справедливо заметил: миф о себе становится своеобразным микрокосмосом, домом, в котором спокойно обитать и где есть свои подходящие микроклимат, среда, темпоритмы, создающие ощущение безопасности и комфорта [4, с. 121-133]. Перечисленное иллюстрирует желание человека Быть в социальном и комфортно чувствовать себя в нем, эстетизируя мир вокруг Я. Более того, жажда бесконечности присутствия в бытии стимулирует мифизирования, в которых личность имеет возможность постоянно возобновлять себя и контекст своего бытия – культуру, воплощая мечту о красоте, молодости и победе над смертью. Дело в том, что для человека высшей идеей постоянства является идея бессмертия, которая стимулирует духовное творчество, стремления к совершенству, а утрата этой идеи ведет к падению и смерти, в том числе культуры [5, с. 125].

В заключение подчеркнем следующие моменты. Анализ современного социального говорит в пользу того, что в пространстве гламурного главенствуют мифизации личного, выступающие как мерцающее проявление/проявляющееся мерцание Я, позволяя провести параллель с пониманием следа в постмодернизме. Мифизации Я демонстрируют «первоначальное прослеживание и стирание» (Ж. Деррида), переводя бытие в пространство игры и легкомысленности, тем самым обрекая личность на вечные «страдания от бессмысленности жизни» (В. Франкл).

Миф, обладающий внутренней прочностью и плотностью, представляет собой вечную символическую форму, способную трансформироваться, подстраиваясь к различным изменениям. Ядро мифического составляет утверждение о том, что *миф мифичен*, заставляя снять любые претензии с него и переводя стрелки ответственности на социальный/личный аспект. Но в контексте гламура игнорируется любая ответственность, усугубляя ситуацию поддержанием традиции *мифизирования мифического*.

Миф оказывается комфортной пластичной формой, способной вместить любые нарративы Я. В современном мифотворчестве тесно переплетаются между собой мифическое, гламурное и личное, где акцент ставится на *мифизации гламурного личного*. В результате в современном пространстве

социального, подверженного идеологии гламура, рождаются многочисленные мифизации, симулирующие личное бытие. Мифизации Я создают сакральные пространства, позволяющие личности грезить о собственной божественности и привилегированности. Мифизированные тексты гламурных личностей искусно манипулируют сознанием и поступками реципиентов, начинающих собственные мифизирования и пускающие их в тираж.

Мифологические сообщения современности являются не вечными, а сиюминутными: некоторые личности только на миг попадают во владение мифического слова, затем исчезают, а их место занимают другие. Сегодня мифы создаются намеренно и технологично: их пишут персоны, используя отклонение, рождающее чудесное, и бриколажную технику, одновременно замешанные на рационализме и бессознательных импульсах.

Современный гламурный миф как своеобразный след бытия личного представляет собой открытый текст, постоянно пополняющийся новыми эпизодами. Миф сегодня позволяет личности жить посредством его симулятивного содержания, уходя от реальности и радуя себя обманом/иллюзиями о существующе-несуществующем/несуществующе-существующем. В виду молодости (естественной/искусственной) гламурного персонажа, сосредоточенного на внешнем облике и игнорирующем внутренний мир, жизненное пространство оказывается ограниченным. Но при этом «чистого непроекта не бывает» [1, с. 53], что позволяет говорить о заимствованиях современного гламурного мифического из культурного гипертекста.

Гламурный миф представляет собой *коммуникативную систему*, являя собой некоторое сообщение, выступающее в роли медиатора между личностью и обществом. Но гламурная фальшь, связанная с мифизацией, есть не что иное как произведение/про-из-ведение смерти, представляющее собой, в первую очередь, смерть Я и его интеллектуальных/нравственных/эстетических способностей. В мифе, представленный внутренний опыт личности, не имеет ничего общего с реальностью, позиционируя симуляцию. Современная тотальная мифизация, оказывающаяся бессмысленной в своем содержательном аспекте, демонстрирует «соскальзывание к немощи мысли» (Ж. Батай) и к нигилизму в интеллектуальном/нравственном/эстетических аспектах.

С психологической точки зрения, обозначим позитивные моменты гламурного мифизирования. Его различные модификации являют способ быть в согласии с миром – не с тем, каков он есть, а с тем,

каким личность его видит/воображает – идеальным/гармоничным. Вследствие этого, мифизируя, человек примиряет себя с действительностью, самоутверждаясь и идентифицируясь в собственных глазах и окружающих людей. Помимо этого, современное мифизирование выступает в качестве эрзаца/суррогата коммуникации, помогающего на небольшой промежуток времени преодолеть отчужденность в социальном, испытывая (нуминозное) наслаждение от подобного. Коммуникация посредством мифического представляет собой точку, в которой происходит взаимообмен и подглядывание чужого опыта с попыткой примерить на себя покрывало иного мифического. Посредством мифа личность либо осуществляет поиск потерянной цельности, либо создает видимость цельности посредством мифического. Но необходимо помнить: выходя из круга мифического, индивид оказывается в обнаженной реальности, скинувшей покрывало мифического, и, как правило, испытывает разочарование.

Встает вопрос: что необходимо предпринять?

Избежать мифического в контексте социального невозможно. Миф помогает личности преодолевать негативное в виде абсурда/отчуждения/конфликтов, неизбежно присутствующим в социальном. Другое дело, что в гламурном мифизировании необходимо расставить иные акценты. Например, чертой, помогающей преодолеть кризисность гламурного, является различение реаль-

ного и фантазийного, внутреннего и внешнего, естественного и искусственного. Личность должна критично посмотреть на себя, принимая свое Я/внешность/тело со своими достоинствами и недостатками, и собственное бытие, в котором преобладают не праздничные, а повседневные практики, что позволит создать жизненные проекты как цель реальных приложений стремлений/усилий/достижений.

Мифизированную гипертрофию индивидуального необходимо перефокусировать на понимании Я как частицы коллективного и коллективное, потому что только последние способны помочь самоутвердиться и проявиться, вы(с)казывая интеллектуальное/нравственное/эстетическое. Единичное Я и его развитие невозможно вне общего как социального и коллективного, а также вне реального как чисто фантазийного.

Еще одним способом, помогающим структурировать Я, ограждая от шизофрении/мультифрении, являются метафизические эпизоды интеллектуальной тишины, связанные с погружением *в-себя*, помогая быть *с-собой* и осуществляя разумное бытие *для-себя*. Благодаря этому обнаруживается внутренняя себейность как путь *к-себейности/в-себейности/при-себейности/для-себейности*. Пространства тишины как ключ себейности помогают понять личности смысл жизни и обозначить краткосрочные/долгосрочные свершения/достижения в социальном и для социального.

Список литературы:

1. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011. 208 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5-216.
3. Живая философия (сборник статей) / Под общ. ред. М.В. Сборовской. М.: Изд-во Glance, 2015. 240 с.
4. Гачев Г. Д. Миф. Национальный. Индивидуальный (опыт экзистенциальной культурологии) // Миф в культуре: человек – не-человек. М.: Индрик, 2000. С. 121-133.
5. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 87.
6. Попкова Н.В. Философская культура или философская технология? // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 133-144. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209.

References (transliterated):

1. Nansi Zh.-L. Neproizvodimoe soobshchestvo. M.: Vodolei, 2011. 208 s.
2. Losev A.F. Dialektika mifa // Losev A.F. Mif – Chislo – Sushchnost'. M.: Mysl', 1994. S. 5-216.
3. Zhivaya filosofiya (sbornik statei) / Pod obshch. red. M.V. Sborovskoi. M.: Izd-vo Glance, 2015. 240 s.
4. Gachev G. D. Mif. Natsional'nyi. Individual'nyi (opyt ekzistentsial'noi kul'turologii) // Mif v kul'ture: chelovek – ne-chelovek. M.: Indrik, 2000. S. 121-133.
5. Golosovker Ya. E. Logika mifa. M.: Nauka, 1987. S. 87.
6. Popkova N.V. Filosofskaya kul'tura ili filosofskaya tekhnologiya? // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 2. С. 133-144. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209.